

Шлюпиков Михаил Владимирович
Шлюпикова Мария Михайловна

Карагандинский университет им. Е.А. Букетова г. Караганда,
Казахстан, shlyupikovm@mail.ru;
Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова г. Москва, Россия, masha.97sh@gmail.com

Горы и люди: низкогорные ландшафты Евразии в исторической концепции Л.Н. Гумилёва

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы истории взаимодействия человека и природы древнего мира и средневековья на Евразийском субконтиненте, роль низкогорных ландшафтов в этногенезе, экономическом, социально-политическом, культурном развитии народов Евразии в исторической концепции видного российского учёного Л.Н. Гумилёва.

Ключевые слова: низкогорный ландшафт, предгорья, Евразия, Л.Н. Гумилёв, кочевники.

Проблемы истории взаимодействия человека и природы древнего мира и средневековья на Евразийском субконтиненте, роль низкогорных ландшафтов Урала, Кавказа, Памира, Тянь-Шаня, Алтая, Саян, Тарбагатая, Тибета, окружающей среды, природы в целом, в этногенезе, экономическом, социально-политическом, культурном развитии многочисленных народов Евразии находились в центре исторической концепции видного российского учёного Л.Н. Гумилёва.

Его интересовали, в первую очередь, сложные и запутанные вопросы этнической истории просторов Большой Евразии, поиски внутренних и внешних стимулов процессов этногенеза, динамики и векторов их протекания, география расположения, частых перемещений племён, племенных групп и народов, добровольных и вынужденных, закрепления ландшафтных территорий за собой и их социально-экономическое освоение, их защита от внешнего врага.

Великая степь посредине Евразийского континента, окаймленная с севера сибирской тайгой, а с юга – горными хребтами, населённая разными народами – вот исследовательское поле оригинального учёного. Евразийская степь постоянно взаимодействовала со своим природным окружением. Связь этноса и ландшафта становится особенно жёсткой.

Интеллектуальные обыватели привыкли по умолчанию считать Льва Гумилёва «научным пропагандистом» Великой степи, истории и культуры её туземных жителей – номадов, их порой неограниченного вклада в мировой общественный прогресс. Это, безусловно, верно, но степь, это не только безбрежная, уходящая вдаль плоская равнина, с несметными пастбищами, стадами пасущегося скота, степными речушками, редкими озерами, островками леса, дикими животными и птицей. Горы, нагорья, хребты, склоны, холмы, горные леса и ледники, горные пастбища и полноводные, быстрые реки, недоступность для опасного чужака, врага, защита для местного племени, природный барьер между двумя ландшафтными зонами.

В историко-этнологических построениях Л.Н. Гумилёва низкогорные ландшафты Евразии занимают достойное место. Адаптация к горному ландшафту давала племенам, в том числе кочевым, дополнительный шанс выжить, сохранить и экономически, численно приумножить себя, получить временную передышку от уничтожающих, смертельных коллизий, происходящих с неустанным постоянством в Великой степи.

Научное наследие Л.Н. Гумилёва в последние годы неоднократно попадает в сферу интереса историографии. Однако историков исторической мысли занимают в основном вопросы его общей концепции тюркской истории, цивилизации кочевников Евразии, этногенеза степных народов [Беляков, 2013; Жарников, 2002; Лавров, 2003; Шабалов, 2009; Л.Н. Гумилёв, 2012; Shlyurikov, 2020]. Мы сделаем акцент на более частной проблеме: влияние низкогорных ландшафтов на исторические и этнические процессы евразийского географического пространства. Это позволит, на наш взгляд, более чётко прояснить видение учёного процессов,

происходящих в периферийных зонах Великой степи, на стыках географических и ландшафтных зон, степи и гор, предгорий.

Анализ исторического наследия Л.Н. Гумилёва позволил выделить несколько важных аспектов научного исследования влияния гор, низкогорных ландшафтов на социальные и этнические процессы Большой Евразии:

- горы, как граница географических зон, как некая разграничительная линия;

- горы, как особая климатическая зона (больше осадков, горные реки, альпийские луга, лесные массивы);

- горы, как крепость, укрытие, защита во время войны и межплеменных конфликтов;

- горы и новые способы хозяйствования: металлургия, деревообработка, строительный прочный материал – камень, охота, сезонная осёдлость, развитие меновой торговли;

- горы, как «ворота», проходы между хребтами, близость торговых, караванных путей, контроль над ними, наличие воды, укрытий;

- горы и автаркия, замкнутость, отсутствие этнических, социально-политических, культурных контактов, закрытость и удалённость;

- горный ландшафт и его влияние на материальную и художественную культуру, мировоззрение, религию, мифологию, каменные изваяния – балбалы;

- региональные особенности горных систем: Алтай, Саяны, Тарбагатай, Тянь-Шань, Памир, Тибет, Кавказ, Урал, Карпаты, Альпы, Пиренеи.

Пространство Евразии дифференцировано по природно-климатическим зонам. Евразийский континент делят на части природные барьеры [Гумилёв, 1993-1, с.50], часто – горы. Реки, по мнению Л.Н. Гумилёва, редко бывают пограничными рубежами, так как почти всегда легче пересечь реку, нежели, например, горный хребет или полосу пустыни [Гумилёв, 1994, с.8].

«Высокие горы с трудными перевалами создают естественные границы», – писал Л.Н. Гумилёв [Гумилёв, 1993, с.259]. Независимое положение занимает, по мнению учёного, гористый район, тянущийся от Адриатического моря, через

Малую Азию до Закавказья [Гумилёв, 1993-1, с.50]. Гилян и Мазендаран, отделенные от Иранского нагорья хребтом Эльбурс, изобилуют влагой. Ручьи, ниспадающие с гор, образуют мургабы – лиманы со стоящей водой, отделенные от моря мелями [Гумилёв, 1993-1, с.64]. Иран больше беспокоился об укреплении кавказских проходов, нежели о своей восточной границе, лишенной естественных преград [Гумилёв, 1993-1, с.110].

Тюркюты попытались достичь Византии через Западный Кавказ, но, по утверждению Л.Н. Гумилёва, натолкнулись на сопротивление царства Эгриси, северная граница которого проходила по Кавказскому хребту. Проникнуть в Закавказье им не удалось. Прочно закрепиться они смогли лишь на равнинах Северного Кавказа и в предгорьях Дагестана [Гумилёв, 1993, с.50].

Центральная часть степи пересечена горными хребтами, поросшими лесом, что создаёт разнообразие ландшафта [Гумилёв, 1993, с.262]. Посредине Евразийского континента указывает Л.Н. Гумилёв, тянется Великая степь, окаймленная с севера сибирской тайгой, а с юга – горными хребтами [Гумилёв, 2003, с.35]. От Сибири Внутреннюю Азию отделяют хребты Саянский, Хамар-Дабан и Яблонный, от Тибета – Куньлунь и Наньшань, от западной половины – Горный Алтай, Тарбагатай, Саур и Западный Тяньшань [Гумилёв, 1993-1, с.70]. По мнению Л.Н. Гумилёва, это жестко очерченный географический регион, но культурные воздействия перешагивают за географические границы.

Мусульманский супер-этнос и связанная с ним культура, по утверждению Л.Н. Гумилёва, на восточной своей границе наткнулась на горцев Гиндукуша и на степных кочевников. Она замкнулась на естественных границах ландшафтных регионов [Гумилёв, 1993-1, с.51]. Ограниченная высокими горами и жаркими пустынями, Индия справедливо, по мнению Л.Н. Гумилёва, рассматривается как полу-континент. Однако природные барьеры не спасли Индию от вторжения иноземцев [Гумилёв, 1993-1, с.51]. Области Пенджаба и Синда стали зонами контактов между индийцами, арабами, афганцами и тюрками.

Долина Инда – это территория, по климатическим и ландшафтным данным весьма похожая на Туркмению: пески, пригорки с редкой травой, большая река. Инд и окружающая пустыня являются, по мнению Л.Н. Гумилёва, как бы ландшафтным продолжением Средней Азии, поэтому многие среднеазиатские племена, покидавшие родину, оседали в долине Инда [Гумилёв, 1997, с.118-119]. Но туда ещё надо было дойти, мешали горы. Среднеазиатские мусульмане, отмечает Л.Н. Гумилёв, начали совершать походы через Гиндукуш, через удобное Хайберское ущелье, служившее воротами в Индию [Гумилёв, 1997, с.121].

Гумилёв в объяснении своей концепции оперировал без стеснения огромными пространствами, пронизывая территории на сотни, тысячи километров по всем азимутам. Пиренеи, в представлении учёного, это чёткая граница, разграничительная линия. Франкский вождь Хлодвиг прогнал готов за Пиренеи в Испанию [Гумилёв, 1997, с.148]. Карл Великий попробовал отобрать у арабов часть Испании, совершил поход через Пиренеи, но на обратном пути его арьергард был в горном ущелье вырезан басками [Гумилёв, 1997, с.152].

Таким же рубежом представлялись Гумилёву Карпаты: «туранцы ... убежали за Днепр, потом, боясь, что тюрки их и там застанут, перевалили за Карпаты и захватили среднее течение Дуная – страну Паннонию» [Гумилёв, 1997, с.149].

Не имея чётких, установленных политических границ, Европа Карла Великого разграничивается Л.Н. Гумилёвым горами. Тогдашняя Европа была «маленькая и простиралась всего от Эльбы до Пиренеев и от Альп, примерно до Нормандии» [Гумилёв, 1997, с.152]. Восточная граница ханства кыргызов, по Гумилёву, проходила по подножию Восточных Саян [Гумилёв, 1993, с.264].

Горы, по Гумилёву, были и границей между этносами. Посредине между Роной, Рейном и Альпами поселилось племя бургундов [Гумилёв, 1997, с.153], а часть Франции вдоль берегов Гаронны и до Пиренеев была заселена гасконцами – басками [Гумилёв, 1997, с.181]. Шотландцы – скотоводческий народ, разводящий овец на вересковых холмах [Гумилёв, 1997, с.184]. Авары не могли, по мнению Л.Н. Гумилёва, задержаться

в Предкавказье, так как они были лишены поддержки алан, а в тылу стояли тюркюты [Гумилёв, 1993, с.37]. На границе Хазарии с горным Дагестаном, в стране Беленджер прослеживаются следы миролюбивого сосуществования хазар с албанами [Гумилёв, 1993-1, с.157].

В тюркской истории горы такой же индикатор географической локации племён и народов. Из-за последствий вековой засухи в Великой степи в III веке территория от северных склонов Иньшаня до южных отрогов Хамар-Дабана, по оценке Л.Н. Гумилёва, почти полностью потеряла своё население, ушедшее на окраины растущей пустыни [Гумилёв, 1993-1, с.147].

Северные хунны после поражения от китайцев закрепились, по утверждению Л.Н. Гумилёва, на рубеже Тарбагатая, Саура и Джунгарского Алатау. Ханьское правительство предоставляло им возможность селиться в Ордосе и на склонах Иньшаня. 200 тысяч укрылись в горных лесах и ущельях Тарбагатая и бассейна Черного Иртыша, где они пересидели опасность [Гумилёв, 1993-1, с.82-83]. Территория, находившаяся во владении хуннов, включала не только Ордос, но и прилегающие к нему на западе склоны хребта Алашань [Гумилёв, 1994, с.113]. Хунны воспитались в суровых сухих степях и предгорьях Центральной Азии [Гумилёв, 1994, с.63]. В середине V века хунны Юебань базировались на склонах Саура и Тарбагатая [Гумилёв, 1994, с.201].

Сяньби (предки древних монголов) жили по окраинам Великой степи, около хребта Хингана, захватив позднее территорию державы Северного Хунну вплоть до Алтая [Гумилёв, 1993-1, с.88]. В IV-V веках хунны вернулись на склоны Иньшаня и Алашаня, откуда их выгнали ханьские войска во II веке до н.э. [Гумилёв, 1993-1, с.93].

Царство Тогон лежало в степных нагорьях Цайдама [Гумилёв, 1993, с.11], а в начале V века в степи от Хингана до Алтая господствовал хан жужаней. Границей Жужани стал Тянь-Шань [Гумилёв, 1993, с.13, 16]. Татабы жили по западным склонам Хингана [Гумилёв, 1993, с.31]. В Алтайских горах сложились в народ тюрки [Гумилёв, 1993, с.16].

Предгорья Монгольского Алтая, утверждает Л.Н. Гумилёв, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. Народ «тюркютов» возник в конце V века вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий [Гумилёв, 1993, с.24-25].

В Хангайских горах жили теленгиты, между Хэнтеем и Хинганом – байегу-байырку, в Алашаньских горах – аде-эдизы. В восточном Хангае были насильно поселены уцелевшие от разгрома тюркюты. Большая часть тюрков с влившимися в них сирами располагалась, по утверждению Гумилёва, к северу и востоку от Ордоса, до отрогов Иньшаня. В Центральном Тянь-Шане обитали тюргеши [Гумилёв, 1993, с.265], в Западных Саянах – кыргызы [Гумилёв, 1993, с.341].

Горы в интерпретации Л.Н. Гумилёва выступают как стартовая позиция процесса этногенеза многих в прошлом и будущем степных народов. На Кавказском хребте нашли себе приют многочисленные осколки различных народов [Гумилёв, 1993, с.263]. В припамирской горной стране было много микроскопических княжеств [Гумилёв, 1993, с.350].

В древности кыпчаки жили на Алтае, в долине, называемой китайцами Чжелян, что является, по мнению Гумилёва, транскрипцией слова «Джилан» – змея (отсюда Змеиная гора и Змеиногорск). Кроме того, считает Л.Н. Гумилёв, в Ордосе и Алашане обитали остатки южных хуннов и осколки других тюркоязычных племён [Гумилёв, 1993, с.267-268]. Ядром территории тюргешского ханства была долина реки Или и северные предгорья Тянь-Шаня [Гумилёв, 1993, с.289]. Ставка уйгурского хана, по утверждению Л.Н. Гумилёва, находилась между Хангаем и рекой Орхон [Гумилёв, 1993, с.370].

В период создания Уйгурского каганата, по мнению Л.Н. Гумилёва, возникла политическая задача: какие племена следует включить в свою державу и какие оставить за её пределами? В условиях степного ландшафта и кочевого быта эта задача, считает учёный, приобрела особую сложность, так как нужно было иметь естественные рубежи, например, горные хребты, а для этого необходимо было подчинить себе племена, обитавшие

к югу от Саян и к западу от Алтая [Гумилёв, 1993, с.372]. В противном случае кочевья уйгуров были бы открыты набегам соседей. Экспансия уйгуров на север и запад, утверждает Л.Н. Гумилёв, дойдя до естественных границ, прекратилась [Гумилёв, 1993, с.375].

На южных склонах Алтая кочевали карлуки, между Саянским хребтом и Алтаем жили азы, а вековая засуха III века прижала тюргешей к склонам Тянь-шаня (тюргешы были степняки, мукрины – горцы) [Гумилёв, 1993-1, с.168-170]. Этническую родину кимаков Гумилёв определяет, как территорию «на рубеже алтайской горной тайги и широкой степи» [Гумилёв, 1993-1, с.206]. Государство гузов включало на севере бассейн Челкара и Иргиза, вплоть до предгорий Урала [Гумилёв, 1993-1, с.215].

Кыпчаки (куманы) были частью племенного союза кимаков. И те, и другие, по мнению Л.Н. Гумилёва, не были степняками в собственном смысле слова. «Кыпчаки спустились с Алтая (...). И потом, распространяясь на запад, куманы держались лесостепной зоны, то есть сосновых боров и роц» [Гумилёв, 1993-1, с.218]. Кыпчаки, по утверждению Гумилёва, происходили от европеоидного народа динлинов, обитавших в эпоху бронзы в Минусинской котловине и на Алтае [Гумилёв, 1993-1, с.219]. Китайцы в древности называли Саянские горы – Динлин [Гумилёв, 1994, с.28].

К западу от горных хребтов, отделяющих внутреннюю Азию от внешней, со II до VIII века жили потомки «малосильных хуннов», склонившихся от перехода в Европу. В VI-VIII веках часть этих племён, отмечает Л.Н. Гумилёв, пробилась в китайские владения, а оставшиеся – племя чумгунь – обитали западнее Тарбагатая и Алтая, сохранив самостоятельность [Гумилёв, 1993-1, с.207]. В начале V века в предгорьях Наньшаня оказалось 10 небольших и слабых племенных держав [Гумилёв, 1994, с.149].

Горы – это и особая климатическая зона, получающая больше осадков из-за задержки атмосферных фронтов, препятствие от холодных северных воздушных потоков, сочные альпийские луга, богатые флорой и фауной лесные горные зоны.

Во II веке атлантические циклоны сместили, по утверждению Л.Н. Гумилёва, путь своего прохождения на восток, в глубины континента. В I веке они несли влагу через южные степи и выливали её на горные хребты Тарбагатай, Саура и Тянь-Шаня [Гумилёв, 1993-1, с.106].

Циклоны с Атлантики доносят влагу до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной, где скотоводы вынуждены на лето гонять скот на горные пастбища. Горные ледники Хамар-Дабана и Восточных Саян, по мнению Л.Н. Гумилёва, давали столь много чистой воды, что на склонах Хэнтэя и Монгольского Алтая росли густые леса [Гумилёв, 1993-1, с.71-72]. В середине IV века циклоны понесли атлантическую влагу в Заволжье и к горам Тянь-Шаня и Тарбагатай [Гумилёв, 1993-1, с.123].

Богатые земли Тарбагатай с их роскошными альпийскими лугами – джейляу и склонами, покрытыми лесом были столь ценимы кочевниками [Гумилёв, 1993-1, с.174].

Для содержания нужного количества скота, утверждает Л.Н. Гумилёв, необходимо иметь области, где снежный покров не превышает 30 см, рельеф расчленен, чтобы ветер мог сдувать снег с возвышенностей, и пастбища достаточно обширны при наличии питьевой воды. Этим условиям отвечали, по заявлению учёного, степи и предгорья Юго-Восточного Урала, Тянь-Шаня, Алтая и Монголии [Гумилёв, 1993-1, с.122].

Летом степь выгорает и скот должен пастись на джейляу – альпийских лугах, которые располагаются на склонах Тянь-Шаня, Алтая, Хангая, Хэнтэя. Зимой же в горах выпадает много снега и стада возвращаются в долины [Гумилёв, 1993, с.71]. Обладание склонами Тянь-Шаня в изучаемое время было, по мнению Л.Н. Гумилёва, насущной экономической необходимостью для тюркютов, так как эти лесистые и богатые водой районы были местами их летовок [Гумилёв, 1993, с.153].

Заселять дельту Волги, по утверждению Л.Н. Гумилёва, тюркюты не собирались, так как заросли тростника и тучи комаров не привлекали обитателей горных склонов Алтая и Хангая [Гумилёв, 1993-1, с.68].

Природная среда изучаемого региона весьма разнообразна. Она зависит, по мнению Л.Н. Гумилёва, от

рельефа, степени увлажнения и не в меньшей мере от окружения. Так, в Монголии, в зоне устойчивого антициклона, при наличии лесистых хребтов Хангая и Хэнтея целесообразно, считает Гумилёв, круглогодичное кочевание на подножном корму, а в Джунгарии и Тарбагатае, куда зимние циклоны приносят обильные осадки, создающие глубокий снежный покров, и в те времена необходима была заготовка сена и перекочевки совершались по вертикали – из степи на альпийские луга (джейляу) [Гумилёв, 1994, с.7]. В экстра-аридных районах Приаралья, лишенных горных хребтов, шло круглогодичное кочевание.

Подлинной границей двух огромных этнокультурных регионов, по мнению Л.Н. Гумилёва, была комбинация из природных и антропогенных элементов рельефа; ландшафтная же граница колебалась в зависимости от изменений климата [Гумилёв, 1994, с.8]. В Шэньси имеются островные горные хребты, а на юге – широтный хребет Циньлин, покрытые широколиственными лесами. При ярко выраженной зональности – от густых лесов, через степи, до пустынь Ордоса – эта область представляет, по утверждению Л.Н. Гумилёва, исключительное разнообразие ландшафтов в тесном сочетании и переплетении, что отразилось на судьбах населявших её народов [Гумилёв, 1994, с.106]. «В лесистых ущельях Шэньси и Сычуани, зародился ураган, взметнувший дисские племена тангутов; с амдосских нагорий вихрь понёс отряды тибетских всадников с длинными копьями» [Гумилёв, 1994, с.86].

Горный микроклимат в зависимости от региональных особенностей не всегда благотворно влияет на условия проживания и хозяйствования туземных племён и народов. Например, в Северном Тибете, указывает Л.Н. Гумилёв, жить плохо, так как слишком большая влажность, муссоны с Индийского океана, достигая хребтов Северного Тибета, выпадают здесь проливными дождями. В Северном Тибете такая сырость, что кизяк гниёт, не сохнет, и деревья, если падают, гниют, но зато много лесов и зверей [Гумилёв, 1997, с.128].

Горы не только граница, непреодолимый рубеж, но и место социальных, часто военных контактов, относительно

безопасное место обитания малых народов, искусно использующих горный рельеф для быстрой защиты и укрытий от многочисленных врагов. Для исторической наглядности Гумилёв приводит пример испанских вестготов, которые были разбиты сначала франками на севере, а потом арабами на юге и в результате потеряли свою самостоятельность, за исключением неприступных гор Астурии [Гумилёв, 1997, с.147]. Астурию, горную страну на берегу Бискайского залива, Л.Н. Гумилёв называет точкой, где прослеживается этногенетический взрыв. Туда отступили, теснимые арабами христиане, смешались, стали испанцами. В середине IX в. предприняли попытку освободить свою страну от мусульман, были разбиты, *отброшены в горы* (выделено авт.), но с этого времени началась реконкиста – отвоевание захваченной территории [Гумилёв, 1993а, с.249].

За 300 лет до этих событий франкский вождь Хлодвиг выгнал готов за Пиренеи в Испанию [Гумилёв, 1997, с.147-148]. Баски удержались в Пиренеях, пережив кельтов, римлян, арабов и кастильцев, так и кадусии удержались на склонах Эльбурса, не подчинившись ни ахеменидскому, ни македонскому, ни сасанидскому правительству [Гумилёв, 1993а, с.64].

Роль горных ландшафтов в историческом движении и этногенезе средневекового Китая напрямую интересовала Л.Н. Гумилёва в работе «Хунны в Китае». Южный Китай, по мнению учёного, был надёжно прикрыт от кочевников. Поросший густым лесом хребет Циньлин, отделяющий Шэньси от Сычуани, преграждал дорогу любой коннице. Влажные леса останавливали хуннов и табгачей лучше, чем китайская пехота. Но на западе враги Китая, отмечает Л.Н. Гумилёв, чувствовали себя в горных лесах как дома и здесь ландшафт не стал защитой Китая [Гумилёв, 1994, с.9].

Во время многочисленных войн начала V века в Китае горы горный рельеф местности играл порой решающую роль. В 409 году при захвате Шаньдуна в горной части полуострова китайцев встретили 40 тыс. сяньбийской конницы [Гумилёв, 1994, с.155]. Конец государства Южной Лян в 414 году было выгодно Тогону, отделенному от Южной Лян кряжами Наньшаня. Это маленькое государство, по мнению Гумилёва,

жило в вечном страхе вторжения с севера [Гумилёв, 1994, с.157].

К осени 430 г. табгачи перебросили силы в поход против «горных хуннов» и уничтожили их без остатка. Гумилёв ставит вопрос: что это за «горные хунны», и высказывает предположение, что речь идёт о той части хуннов, что после разгрома Хэлань Чана в 428 г. укрылась в Алашане, или Иньшане [Гумилёв, 1994, с.170]. В 431 г. при реализации старинного хуннского способа спасения – отхода на запад, в узком ущелье, через которое несётся стремительная Хуанхэ, во время переправы хуннов на них обрушилась 30-тысячная тогонская армия [Гумилёв, 1994, с.172]. В 450 г. отряд южно-китайских войск нанёс поражение табгачам у крепости Ся, прикрывавшей горный проход из Шэньси и Хэнань [Гумилёв, 1994, с.195].

Хасан Саббах, приближенный сельджукского султана Мелик-шаха, выгнанный за интриги и став исмаилитским имамом в 1090 году овладел горной крепостью Аламут в Дейлеме и стал называться «Старец Горы», а позже исмаилиты приобрели и десяток крепостей в горах Ливана и Антиливана [Гумилёв, 1993а, с.245; 1997, с.228]. Во время крестовых походов исмаилиты держались в своих горных замках, пользуясь всеобщим беспорядком, под защитой рельефа местности. Потомки исмаилитов, по утверждению Гумилёва, живут на Памире и на склонах Ливана (друзы) до сих пор [Гумилёв, 1993а, с.256].

Иерусалимские короли, отмечает Л.Н. Гумилёв, сумели привлечь на свою сторону горцев Ливана – маронитов, отколовшихся в VII в. от греческой церкви и отстаивших свою свободу от арабов [Гумилёв, 1993а, с.252].

В начале XII в. часть огузов-сельджуков ушла из Ирака через Кавказ, Крым и Яик в Мангышлак. Здесь они подверглись нападению канглов (восточных печенегов) и ушли в горы Балхан и поселились на берегу Каспийского моря [Гумилёв, 1993а, с.256].

В 50-х годах IV века некто Югюлой, бывший раб, служивший в сянбийской коннице, был осуждён на смерть. Ему удалось бежать в горы, и около него собралось около сотни

подобных ему беглецов, которые договорились с соседними кочевниками и жили совместно с ними. Позднее эта орда получит название Жужань, установит отношения с тобасскими ханами, выплачивала им ежегодную дань лошадьми, соболями и куницами. Жужане кочевали по всей Халхе до Хингана [Гумилёв, 1993б, с.12]. В первой четверти V века жужане достигли кульминации своего могущества, совершали грабительские походы в Китай. Ответные походы, по мнению Гумилёва, мало что давали: жужане **прятались по горным ущельям** (выделено авт.), или рассеялись в степи кто куда. В середине V века империя Тобо-Вэй достигла своего зенита, а её войска вторгались в степь, совершая карательные походы, «вынуждая жужаней прятаться в горах» [Гумилёв, 1993б, с.15]. Теперь в качестве грабежа был выбран более слабый Западный край и границей Жужани стал Тянь-Шань [Гумилёв, 1993б, с.16].

Жужань, разросшаяся банда степных разбойников, с 360 г. терроризировала всех соседей и **после удачных внезапных набегов укрывалась на склонах** (выделено авт.) Хэнтея, или Монгольского Алтая [Гумилёв, 2003, с.54]. Покорить жужаней, утверждает Л.Н. Гумилёв, было невозможно – они **переносили войну в пространство и прятались в ущельях Хэнтея и Монгольского Алтая** (выделено авт.), дожидаясь, пока утомленные враги уйдут, а потом собирались снова [Гумилёв, 1994, с.199].

Мукрины, отмечает Л.Н. Гумилёв, от нажима жужаней уходили в горы Тянь-Шаня, ибо были привычны к горам Хингана на своей покинутой родине [Гумилёв, 1994, с.201]. Сама армия мукринов по северным склонам Тянь-Шаня дошла до Тарбагатая и была там остановлена племенем абаров [Гумилёв, 1993а, с.174-175]. Западные телеские племена тяжело переносили жужаньское иго, восстали и из западной Джунгарии двинулись в Халху. Когда телесцы были на середине пути, из ущелий Гобийского Алтая им угрожали тюркюты [Гумилёв, 1993б, с.27].

Во время войны аланов с гуннами 370 года, отмечает Л.Н. Гумилёв, предгорные крепости взяты не были. Учёному удалось побывать в одной из экспедиций в такой крепости, над долиной

Судака. Обрыв в долину неприступен, валы, видимо, были грандиозны: они защищали поселение с горной стороны, поросшей густым лесом. Такие замки, заключает Гумилёв, конница брать не может [Гумилёв, 1993а, с.130].

После катастрофы 383 года тибетцы отошли на запад, в горную страну Амдо [Гумилёв, 1993а, с.93].

В середине VI века тюркско-китайские войска ворвались в Тогон, население которого должно было искать спасения в горах Наньшаня. Расправившись с жужанями, тюркюты перешли к решительным действиям против своих кочевых соседей, хотя форсировать Саяны, отмечает Л.Н. Гумилёв, тюркютам не удалось [Гумилёв, 1993б, с.30].

После неудачного вторжения в Крым тюркюты ограничились Кавказом. Северная граница царства Эгриси проходила по Кавказскому хребту, Абхазия составляла часть этого царства. Здесь, по мнению Гумилёва, и разворачивались военные действия тюркютов, но они вряд ли смогли проникнуть далеко на юг [Гумилёв, 1993б, с.108]. Во время войны с Китаем тюркютская армия оказалась обреченной на голод, так как захваченный скот был частью утнан на север, частью съеден, а напуганное население укрылось в горах [Гумилёв, 1993б, с.109].

В 608 году тюркюты атаковали Тогон, ворвались в Цайдом, перебили тех, кто не успел скрыться в горы, и захватили огромную добычу [Гумилёв, 1993б, с.144]. Китайские войска, в свою очередь, без объявления войны вступили в Тогон, а хан Фуюнь со своим кочевым народом бежал на юг, «в Снежные горы». Император Ян-ди с огромным войском попытался изловить хана Фуюня, засевшего в горах. Но полководцы, решившиеся проникнуть в горы, сложили там свои головы. Однако хан, по утверждению Л.Н. Гумилёва, был принужден отступить в Амдо, к кочевым горцам, у которых он нашёл приют и безопасность [Гумилёв, 1993б, с.145].

После поражения и завоевания страны табгачами Ашина увёл свой отряд, вместе с женами и детьми воинов через пустыню Гоби на север, поселился на склонах Алтая и стал добывать железо для жужаней [Гумилёв, 2003, с.54]. Теленгиты, бывшие подданными ойратов, *бежали на Алтай* (выделено)

авт.) из Западной Монголии от маньчжуров [Гумилёв, 1993б, с.260].

Когда тюркюты в VII веке пришли на Алтай, то их врагами были, с одной стороны, аборигены – алтайцы, а с другой – степные племена, предки казахов. Очевидно, тюркюты в VII-IX вв. вели борьбу на оба фронта. Внезапные набеги на степные кочевья, по мнению Л.Н. Гумилёва, проходили успешнее, чем борьба с горцами, знающими каждое дерево в лесу и каждый камень в ущельях [Гумилёв, 1993б, с.261]. Но Алтай укрыл за своими хребтами не только дружину Ашины: пещера, в которой скрылись потомки волчицы, – центральная часть Горного Алтая, место весьма пригодное для укрытия [Гумилёв, 1993а, с.152].

За двести лет, проведённых в новой среде, народ не мог не измениться. Первоначальная идея восстановления былого могущества, загнавшая тюркютов в Алтайские горы, оказалась, по мнению Л.Н. Гумилёва, несостоятельной, время обмануло их надежды [Гумилёв, 1993б, с.261].

Пытались найти укрытие в горах и несчастные жители Агвани, когда после штурма пал Дербент, а тюркюты, совершавшие поход на Кавказ, и хазары настигли беглецов и частью перебили, а частью захватили в плен [Гумилёв, 1993б, с.194].

Несмотря на то, что найманы охватили владения телесов с востока и запада, им не удалось, отмечает Л.Н. Гумилёв, овладеть восточной частью горного Алтая [Гумилёв, 1993, с.262].

После того как в 646 г. сеяньтоское ханство было уничтожено имперцами и их союзниками уйгурами, а народ подвергся беспощадному истреблению, остатки сеяньтосцев рассеялись по отрогам Бейшаня [Гумилёв, 1993б, с.267].

В конце VII века политическая ситуация сложилась таким образом, что запад для тюрков был закрыт, а север может быть использован как убежище. Поэтому Кутлуг перевёл орду в Отокенскую чернь – горную тайгу на склонах Хангая. Здесь, в чащах и ущельях, укрылись тюрки от имперских латников; здесь основали они базу своих сокрушительных набегов [Гумилёв, 1993б, с.281].

В 694 году тюрки совершили набег на границу Китая, увели в плен множество народа. Разумеется, Китай не мог с этим мириться. 18 воевод выступили против тюрков в поход с китайской и кочевой конницей, но вернулись, не найдя врага. Отюкенская чернь, заявляет Л.Н. Гумилёв, спасла тюрков от разгрома. Тюрки говорили, что когда мы сильны – идём грабить, когда слабы – убегаем в горы и долины [Гумилёв, 1993б, с.285].

В 714 году тибетцы захватили казенные табуны в предгорьях Наньшаня и Алашаня. Регулярными войсками Китая тибетцы были разбиты и отброшены в горы, но потери имперцев были велики, а неукротимость горцев известна [Гумилёв, 1993б, с.315]. Тюрки получили передышку и Бильге-хан всеми силами бросился на оставшихся в степи уйгуров. Спустившись по Селенге и тесня их, он разорил их кочевья и загнал отступавших в горную тайгу Хабар-дабана [Гумилёв, 1993б, с.315].

В 749 году штурм горной крепости, защищаемой несколькими сотнями тибетцев, стоил китайцам нескольких десятков тысяч жизней [Гумилёв, 1993б, с.358].

Один из народов находится в стране столь закрытой, что карлуки не могут в неё проникнуть. По мнению Л.Н. Гумилёва, это остатки тюрков, укрывшихся в горах Южного Алтая [Гумилёв, 1993б, с.377].

В середине IX века кыргызы разбили уйгур, а немногие спасшиеся, укрываясь в лесах и горах, пропитываясь грабежом, пробралась на запад [Гумилёв, 1993б, с.427].

Один из разделов своей книги «Тысячелетие вокруг Каспия» Л.Н. Гумилёв даже назвал – «Алтайское укрытие». Название, на наш взгляд, более чем симптоматичное. Монотонный ландшафт Арало-Каспийской равнины на востоке пересечен цепью горных кряжей: Алтаем, Тарбагатаем, Сауром, Западным Тянь-Шанем. Склоны этих гор, справедливо отмечает Гумилёв, - одно из красивейших мест Земли, и неудивительно, что обитатели Алтая мало похожи по культуре, быту и историческим судьбам на жителей степи: гузов, канглов, карлуков, куманов [Гумилёв, 1993а, с.151].

По отношению к степным соседям, отмечает Л.Н. Гумилёв, Алтай – крепость, «где при любых переменах вокруг можно отсидеться, не сдаваясь противнику». Пищи там

достаточно, для скота есть прекрасные пастбища – северные склоны речных долин, а для охоты – южные склоны, поросшие густым лесом. В реках много рыбы, на опушках леса – птицы. Алтай, включает учёный, - самое благоприятное место для сохранения культуры, даже зародившейся в совсем других местах [Гумилёв, 1993а, с.151].

В центре Горного Алтая, замечает Л.Н. Гумилёв, сохранилась кость телес [Гумилёв, 1993б, с.231, 259-262], существовавшая самостоятельно до XVIII в., после чего она слилась с теленгитами, бежавшими в горы от маньчжуров и китайцев, истреблявших народ ойратов [Гумилёв, 1993а, с.165]. Гумилёв в другом месте повторяет этот тезис, что *в Горном Алтае, как в природной крепости (выделено авт.)*, уцелели остатки древних тюркютов – телесы и их соперников телеутов – теленгиты [Гумилёв, 1993а, с.204].

Создавая историю тюрков в начале VIII в., Гумилёв упоминает народ Алты-Чуб – потомков «малосильных хуннов», т.е. тех хуннов, которые во II в. не ушли от наседавших сяньбийцев (древние монголы) на запад, а *укрылись в горных долинах (выделено авт.)* Тарбагатая и Саура [Гумилёв, 1993а, с.168].

Охота уйгуров, карлуков и басмалов за разбитыми тюркютами в 747 году привела, по мнению Л.Н. Гумилёва, к тому, что много тюркютов успело сбежать в Китай и *спрятаться в горном Алтае (выделено авт.)* [Гумилёв, 1993а, с.209].

Возникшее в X в. государство кимаков было защищено от внешних врагов, утверждает Гумилёв, самой природой. На севере – монотонная сибирская тайга, с крайне редким населением, на востоке – высокие горы Алтая, на юге – пустыня Бет-Пак-Дала, на западе – суглинистая равнина от Урала до Эмбы, ещё более труднопроходимая, нежели песчаная пустыня [Гумилёв, 1993а, с.210].

Горы и предгорья Евразии в исторической интерпретации Л.Н. Гумилёва – это не только обильные пастбищные и охотничьи угодья, но и возможность использовать новые способы хозяйствования: примитивная металлургия (добыча железной руды и начатки производства железа, орудий из него),

деревообработка, добыча прочного строительного материала из камня для жилищ и культовых сооружений, добыча пушнины, контроль над близко проходящими торговыми, караванными путями, которые формировались, используя ландшафтные особенности местности, наличие водных источников, укрытий от непогоды и врагов, проходов между хребтами.

Цинь Ши-хуан вытеснил хуннов из Ордоса в 214 году до н.э., лишив их пастбищных и охотничьих угодий на склонах хребта Иньшань [Гумилёв, 1997, с.132; 1993а, с.77].

Когда в 439 г. тобасцы победили хуннов, то князь Ашина с 500 семействами, цитирует Л.Н. Гумилёв Н.Я. Бичурина, бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев [Гумилёв, 1993б, с.22; 1993а, с.151; 2003, с.54]. В VI веке железные изделия доставляли жужаням их алтайские вассалы – тюркюты [Гумилёв, 1993б, с.19]. Именно на Алтае, указывает Л.Н. Гумилёв, началась добыча и обработка железа, ранее получаемого хуннами из Тибета и Китая [Гумилёв, 1993а, с.151].

Археологическими разведками обнаружены памятники тюркютской металлургии VI-IX вв. На Алтае, отмечает Л.Н. Гумилёв, найдены следы добычи железной руды, неглубокие шурфы и забои, относящиеся к этому периоду. Способ получения железа был сыродутным, получали кричное железо. Из железа алтайские кузнецы, указывает учёный, изготавливали однолезвийные ножи, тесла-топоры, стремена, удила, мечи, сабли с малым изгибом и массивным клинком, наконечники копий и стрел, подвесные и стоячие железные котлы [Гумилёв, 1993б, с.65].

Добыча и обработка металлов производилась также и на территории современной Тувы, причём добывалось не только железо, но и золото, серебро, медь и олово. В Хакасии, составляющей тогда ядро кыргызского каганата, железо добывалось во многих местах. Почти во всех сосновых лесах, отмечает Л.Н. Гумилёв, встречаются остатки древних железоплавлен. Так же, как и на Алтае, здесь выделялись орудия труда и оружие – мечи и кинжалы, а также детали конской сбруи [Гумилёв, 1993б, с.65-66]. Сыродутное железо

приангарских курыканов содержало до 99% чистого металла, было весьма ковким и прочным. Курыканы плавил и ковали железо довольно высокого качества. Они выделывали ножи, наконечники стрел и копий, чинили котлы [Гумилёв, 1993б, с.66, 265].

К сожалению, заявляет Л.Н. Гумилёв, горные разработки кочевников раннего средневековья ещё не подверглись систематическому исследованию. Тюркюты выступили на арену мировой истории как народ, впервые освоивший в Центральной Азии промышленную добычу железа. Железо и раньше было известно кочевникам, но только тюркюты, по мнению Л.Н. Гумилёва, ввели его в массовое употребление [Гумилёв, 1993б, с.66]. Развитие металлургии, утверждает Гумилёв, позволило тюркютским ханам перевооружить свою армию и создать отборные части из латной кавалерии, на вооружении которой были луки, панцири, копья, сабли и палаши. Тюркютская регулярная тяжелая конница была приспособлена к действиям не только в степи, но и в горах. Наличие у тюркютов панцирной конницы, по Гумилёву, объясняет их быстрые успехи [Гумилёв, 1993б, с.68-69].

Гобийский Алтай в те времена был богат зверем и большую роль играла облавная охота на крупных травоядных, производимая всем племенем [Гумилёв, 1993б, с.69].

Кочевое скотоводство в условиях пересечённой местности, утверждает Л.Н. Гумилёв, было весьма затруднительно для больших стад и обычно кочевники перегоняли своих овец порознь, и каждая семья имела определённые места для зимовок и летовок [Гумилёв, 1993б, с.70].

Тюркюты были искони степным, скотоводческим народом и первоначальное их местонахождение на южных склонах Большого Алтая, по Гумилёву, не лишало из возможности использовать степные пространства, а лес служил им лишь дополнением к основному виду хозяйства – кочевому скотоводству. Загнанные в горы, они сохранили основу своего быта – стада, но площадь пастбищ была ограничена северными склонами речных долин [Гумилёв, 1993б, с.261-262]. Тюркюты были вынуждены, заявляет Л.Н. Гумилёв, дополнять свои

источники питания охотой, но не облавной, степной охотой, которая весьма эффективна, а трудоёмкой индивидуальной – лесной. Народ, приспособляясь к новым условиям, должен был создать, новый тип хозяйства, которое обеспечивало, по мнению Л.Н. Гумилёва, его значительно хуже, чем прежде. Не меньшие затраты сил требовала борьба с климатом Алтайского нагорья, столь же суровым, как и климат сибирского заполярья [Гумилёв, 1993б, с.262].

Саянские кыргызы VIII века были многочисленным народом, освоившим ирригацию и земледелие с отгонным скотоводством, имевшим развитую металлургию и искусство [Гумилёв, 1993а, с.169].

На границе степи и тайги, жили «дикие татары». Те юноши, которые не выносили тягот родового строя, отмечает Л.Н. Гумилёв, уходили в горные леса, добывали пищу охотой и грабежом [Гумилёв, 2003б, с.19].

Великий караванный путь, соединяющий Запад и Восток, отмечает Л.Н. Гумилёв, начинался в Чанъани и шел вдоль склонов Наньшаня через многочисленные долины, орошаемые стекающими с хребта ручьями [Гумилёв, 1993б, с.42]. Одна ветвь караванного пути пролегла по южным склонам Тянь-Шаня, северная ветвь шла по южной Джунгарии, а более трудная дорога шла через перевалы в Тянь-Шане.

Горы и предгорья Евразии – это автаркия, замкнутость, отсутствие этнических, политических контактов, закрытость, удалённость. Могли ли тангуты, потомки жунов и ди, не *«отстаивать родные горы»* (выделено авт.) от наплыва китайцев, - задаёт справедливый вопрос Гумилёв [Гумилёв, 1994, с.23].

Кочевое население в горах Тянь-Шаня в Южном Казахстане, отмечает Л.Н. Гумилёв, было крайне редкое [Гумилёв, 1997, с.114]. Тибет – страна горная и изолированная, очень малолюдная [Гумилёв, 1997, с.126]. Средняя Азия сделалась неотъемлемой частью каганата и создавшееся положение, по утверждению Л.Н. Гумилёва, отрезало эфталитам пути к реваншу, *«заставляло их замкнуться в своих горах»* (выделено авт.), где уцелеют лишь их остатки [Гумилёв, 1993б, с.41].

Перекочевки семей строго ограничены определёнными территориями. Каждая горная долина в Тянь-Шане, указывает Л.Н. Гумилёв, принадлежит определённой семье, глава которой может не пустить любого пришельца подняться в горы по «своей» долине. Эта система землепользования, утверждает учёный, диктуется самой природой кочевого скотоводства: ограниченность пастбищных угодий и воды заставляет кочевников дробить стада, а следовательно, дробятся и семьи, ведущие кочевое хозяйство. Раздел угодий и строгое соблюдение границ, по мнению Л.Н. Гумилёва, – это единственное средство удержать кочевников от жестоких стычек за пастбища, водопой и охотничьи угодья [Гумилёв, 1993б, с.71].

Западный каганат находился в предгорьях Тарбагатая, Саура и Тянь-Шаня. Увлажнение там зимнее, и надо запастись сеном для скота. Поэтому, рассуждает Гумилёв, летом скот и молодёжь уходили на джейляу – горные пастбища, а пожилые – работали, около зимовий. *«Встречи были редки, и навыков общения не возникло»* (выделено авт.). Поэтому вместо эля там сложилась племенная конфедерация [Гумилёв, 1993а, с.156].

Полмиллиона тибето-язычных горцев, локализованных на западной границе Китая, были, по Гумилёву, *«равно враждебны и чужды»* (выделено авт.) и китайцам, и кочевникам [Гумилёв, 1994, с.24]. Горцы делились на племена взаимно враждебные друг другу.

Горный ландшафт оказывал существенное влияние на материальную и духовную культуру, формы взаимодействия с окружающей географической средой: быт и предметы быта, орудия труда, одежда, украшения, способы погребения, мировосприятие, мифологические образы и их художественное отражение, религия.

Рассматривая этнографическую мозаику Парфии, Л.Н. Гумилёв, констатировал, что в горах и степях – разнообразные племена, каждое со своей верой, обычаями и порядками, и все уживались, не мешая друг другу [Гумилёв, 1993а, с.58].

Тысяча лет, утверждает Л.Н. Гумилёв, несёт немало перемен для народа, окруженного утёсами, дёбрями и врагами. *«Маленький народ, спрятавшийся в высоких горах»*

(выделено авт.) потерялся бы для истории, если бы не оставил памятников, переживших его [Гумилёв, 1993б, с.260]. Могильники тюркютов покрывают почти все степные склоны долин восточного Алтая. Это так называемые каменные оградки, с которыми связаны каменные изваяния мужчин в халатах, с мечом на бедре и чашей в правой руке. На восток от могил тянутся вереницы балбаков, грубо обитых камней, вкопанных в землю. Это памятники подвигам покойника – каждый балбал изображает убитого им врага. Количество балбалов у могил, изученных Л.Н. Гумилёвым лично, колеблется от 0 до 51, но наиболее часто встречается 3-4 балбала на могилу [Гумилёв, 1993б, с.261].

В двух легендах о происхождении тюрков первое место принадлежит прародительнице-волчице. Для обеих легенд, по мнению Л.Н. Гумилёва, характерно то, что в них нет никакого намёка на историческое событие – переход орды Ашина из Ганьсу. Поэтому легенды, утверждает учёный, возникли на Алтае и, может быть, созданы специально для того, чтобы обосновать права пришельцев на исключительное положение [Гумилёв, 1993б, с.23].

Предгорья Монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. Перипетии военного успеха выбросили их из Китая на Алтай, где они, по мнению Л.Н. Гумилёва, были «отюречены» и сохранили следы монголоязычия лишь в титулатуре, которую принесли с собой [Гумилёв, 1993б, с.24]. Народ «тюркютов», заключает Гумилёв, возник в конце V века вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий [Гумилёв, 1993б, с.25].

Пребывание этноса в привычном ландшафте повело, по мнению Л.Н. Гумилёва, к восстановлению кочевого хозяйства и развитию оригинальной культуры [Гумилёв, 1993а, с.153].

На основании анализа глиняных статуэток, изображающих тюркютских гвардейцев из погребения китайского вельможи вблизи Турфана, и датированных концом VII века, Л.Н. Гумилёв описывает одежду, военные доспехи, конское снаряжение, которые прямо или опосредованно

указывают на связь с горной средой и ландшафтом предгорий. Пехотинцы и всадники, отмечает учёный, одеты одинаково – в платье, приспособленное для верховой езды. Боевая одежда состояла из головного убора и панциря, причём первый, на взгляд Л.Н. Гумилёва, напоминает современный казахский малахай, покрытый металлическими пластинами и снабженный меховой оторочкой. Воины одеты в халаты с высокими воротниками. Поверх халата надет панцирь из металлических пластин, сходный, на его взгляд, с сарматским аналогом и характерный для тяжелой конницы. На ногах воинов, продолжает описание Гумилёв, желтые с черными пятнами шаровары (вероятно, из барсовой шкуры). Сапоги черные, мягкие, вероятно, войлочные. Гумилёв указывает на близость этой одежды тибетской [Гумилёв, 1993б, с.66-67].

Лошади у тюркютов высокие с широким крупом, тонконогие, с короткой шеей и тяжелой головой, не имеющие, по мнению Л.Н. Гумилёва, ничего общего с монгольскими, но похожие на изображения коней Саманидской эпохи. Широкое седло, без подушки и с низкой передней лукой, светло-жёлтое, вероятно, деревянное, снабжено круглыми стремянами. От нагрудника идёт дополнительная шлея через спину лошади впереди седла. Вероятное назначение её, высказывает предположение Гумилёв, «облегчить спуск при горной езде», к которой приспособлено седло [Гумилёв, 1993б, с.67-68]. Тюркютская гвардия была, делает промежуточный вывод Л.Н. Гумилёв, регулярной тяжелой конницей, приспособленной к действиям не только в степи, но и в горах [Гумилёв, 1993б, с.68].

В наскальных изображениях Сулека (верхний Енисей) Гумилёв, вслед за другими исследователями, видит лучника, стреляющего с колена, т.е. саянского лесовика-горца [Гумилёв, 1993б, с.68-69].

В вопросе о смысле почитания гор Л.Н. Гумилёв опирается на труды Л.П. Потапова [Потапов, 1946], С.А. Токарева [Токарев, 1947], Л.Я. Штернберга [Штернберг, 1936]. На его взгляд, показана связь почитания урочищ с родовой собственностью, переплетение родового культа с промысловым. Каждый род имеет свой «Алтай», который кормит членов рода.

Это почитание не духов гор, рек, озёр, а самих гор, рек и озёр, т.е., соглашается Гумилёв, мы наблюдаем не олицетворение, а оживотворение природы. Это наиболее примитивная форма анимистического мировоззрения [Гумилёв, 1993б, с.79].

Анализ Л.Н. Гумилёвым легендарного материала о происхождении тюркютов, весьма любопытен. Ашины жили в «пещере» до начала VI в., когда они вышли в степь и признали себя вассалами жужаней. Пещера находится в горах, в центре Алтайских гор. Типичная горная долина, по мнению учёного, названа пещерой и эта неточность вызывает предположение, что здесь скрещение в одной легенде двух сюжетов: мифологического (происхождение от волчицы) и исторического (бегство предков части тюркютов в алтайские горные долины) [Гумилёв, 1993б, с.80; 1993а, с.152]. Тесное общение между пришельцами Ашина и населением горного Алтая повело, по мнению Л.Н. Гумилёва, к образованию синкретических исповеданий [Гумилёв, 1993б, с.81].

То, что племена гор и предгорий больше занимались скотоводством, не мешало, по утверждению Л.Н. Гумилёва, развитию их искусства на Алтае, в предгорьях Тянь-Шаня [Гумилёв, 2003, с.33].

Широта и глубина исторического видения Льва Гумилёва позволили учёному одинаково успешно работать на всех географических пространствах Евразии: степь и лесостепь, тайга, горы, предгорья, реки, пустыни. Взаимоотношения человека и природы, этносы, природные коллективы, адаптированные в своих вмещающих ландшафтах – центральная задача исследований Л.Н. Гумилёва. Горы и предгорья – не чуждая для человека окружающая среда, а это укрытие, защита, обильные пастбища на альпийских лугах, охотничьи угодья, добыча полезных ископаемых, создание оригинальной культуры, региональные особенности горных систем. Таков, на наш взгляд, фокус исследовательского интереса к социальной истории низкогорных ландшафтов Евразии выдающегося учёного Льва Гумилёва.

ЛИТЕРАТУРА

Беляков С.С. Гумилёв сын Гумилёва [биография Льва Гумилёва]. – М.: АСТ, 2013. – 797 с.

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд., испр. и доп. – Л.: изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 496 с.

Гумилёв Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 253 с.

Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1993а. – 526 с.

Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: ТОО «Мишель и К», 1993б. – 336 с.

Гумилёв Л.Н. Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами III–VI вв. – СПб.: «Абрис», 1994. – 272 с.

Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Издательство «Институт ДИ-ДИК», 1997. – 544 с.

Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 576 с.

Гумилев Л.Н. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). – СПб.: Кристалл; М.: Оникс, 2005. – 976 с.

Гумилёв Л.Н. Открытия Хазарии. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 416 с.

Гумилёв Л.Н. Pro et contra: Личность и творчество Л.Н. Гумилёва в оценках российских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб.: Изд. Русского Христианского гум. инс-та, 2012. – 1007 с.

Жарников А. Е. Теория этногенеза Льва Николаевича Гумилева. (Опыт системного изложения). – М.: Готика, 2002. – 128 с.

Лавров С.Б. Лев Гумилёв: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 608 с.

Шабалов А. С. Об этнической принадлежности хунну. По материалам книг Иностранцева К.А. «Хунну и гунны» и Гумилева Л. Н. «История народа хунну». Критический разбор. – Иркутск: Папирус, 2009. – 136 с.

Shlyupikov M.V. Archaeology of the Eurasian steppes in the historical concept of L. N. Gumilyov // Вестник КарГУ. Серия История. Философия. Право. – 2020. № 4. – С. 23–29.

Аннотация: Мақалада Еуразия субконтинентіндегі Ежелгі әлем мен Орта ғасырлардағы адам мен табиғаттың өзара әрекеттесу тарихы, көрнекті ресейлік ғалым Л.Н.милевтің Тарихи тұжырымдамасындағы Еуразия халықтарының этногенезіндегі, экономикалық, әлеуметтік-саяси, мәдени дамуындағы төмен таулы Ландшафттардың рөлі қарастырылады.

Кілт сөздер: төмен таулы ландшафт, тау бөктері, Еуразия, Л.Н. Гумилев, көшпенділер.

Annotation: The article discusses the problems of the history of the interaction of man and the nature of the ancient world and the Middle Ages on the Eurasian subcontinent, the role of low-mountain landscapes in ethnogenesis, economic, socio-political, cultural development of the peoples of Eurasia in the historical concept of a prominent Russian scientist L.N. Gumilyova.

Keywords: low-sized landscape, foothills, Eurasia, L.N. Gumilyov, nomads.